

УДК 903.5

В.И. Молодин, А.В. Новиков, А.И. Соловьев

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: novikov@archaeology.nsc.ru*

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ МОГИЛЬНИКА КАЛЬДЖИН-8 (некоторые технологические и этнокультурные реконструкции)*

Введение

В 90-х гг. XX в. двумя археологическими отрядами Института археологии и этнографии СО РАН на плоскогорье Укок (юго-западная часть Горного Алтая) проводились археологические работы, в ходе которых была открыта серия курганов пазырыкской культуры с мерзлотой, обогативших человечество уникальными образцами пластического и декоративно-прикладного искусства скифского времени [Полосьмак, 1994, 2001; Феномен..., 2000], результаты анализа которых стали основой концепции культурно-исторического развития обитателей региона от эпохи палеолита до этнографической современности [Древние культуры..., 1994; Молодин, 1997; Молодин, Черемисин, 1999; и др.]. Важное место в этих исследованиях отводилось изучению памятников древнетюркского времени. Экспедициями было раскопано несколько погребальных и культовых комплексов, относящихся к периоду расцвета курайской культуры – господства в Центральной Азии Уйгурского каганата [Савинов, 1994а, с. 150].

Раскопки могильника Кальджин-8, в т.ч. кургана пазырыкской культуры (№ 2) [Полосьмак, Молодин, 2000, с. 81] и погребения эпохи позднего средневековья (кург. № 4), позволили получить оригинальные материалы, интересные как с точки зрения динамики этнокультурной ситуации в регионе, так и семантики отдельных

черт погребальной обрядности древнетюркской эпохи. В одном из захоронений *in situ* были обнаружены остатки седла, по которым можно создать его реконструкцию.

Характеристика погребальных комплексов

Могильник Кальджин-8 расположен на второй надпойменной террасе левого берега р. Ак-Алаха (рис. 1, 2) в 0,45 км к юго-западу от устья р. Кальджин, в 0,35 км к югу от его правого берега (рис. 3). Памятник состоял из четырех объектов, представлявших собой задерно-

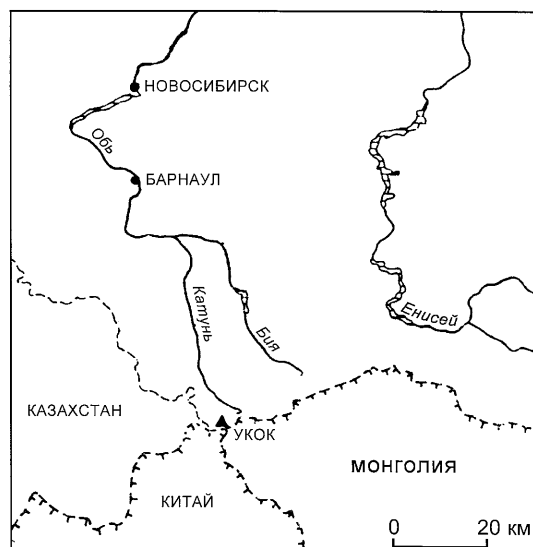

Рис. 1. Схема расположения плоскогорья Укок.

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Этнокультурные взаимодействия в Евразии”.

Рис. 2. Ландшафт в районе расположения памятника Кальджин-8.

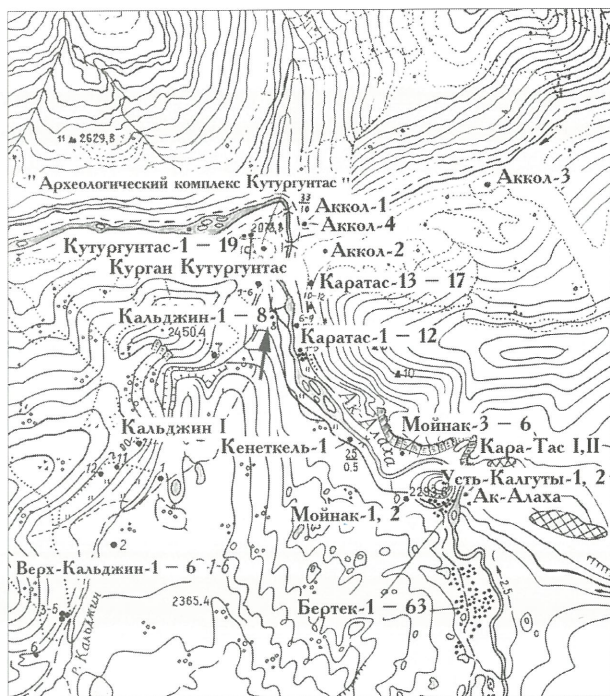

Рис. 3. Карта-схема расположения археологических памятников на плоскогорье Укок (стрелкой обозначен могильник Кальджин-8)

ванные насыпи из крупных окатанных рекой валунов и плиток сланца (рис. 4). Это были разновременные погребальные комплексы, два (кург. № 1, 3) из которых датированы древнетюркским временем. Именно об этих объектах и пойдет речь в настоящей статье.

Курган № 1 овальной в плане формы, длина по линии север – юг составляет 3,4 м, по линии запад – восток – 5,8 м, высота насыпи над уровнем современной поверхности 0,21 м (рис. 5). В конст-

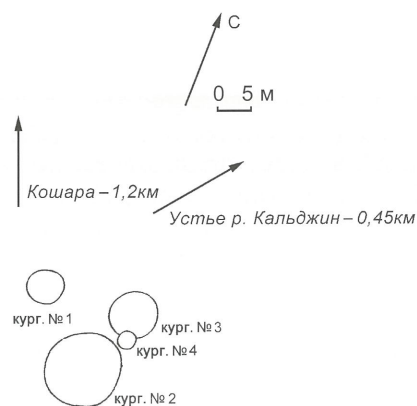

Рис. 4. План курганного могильника Кальджин-8.

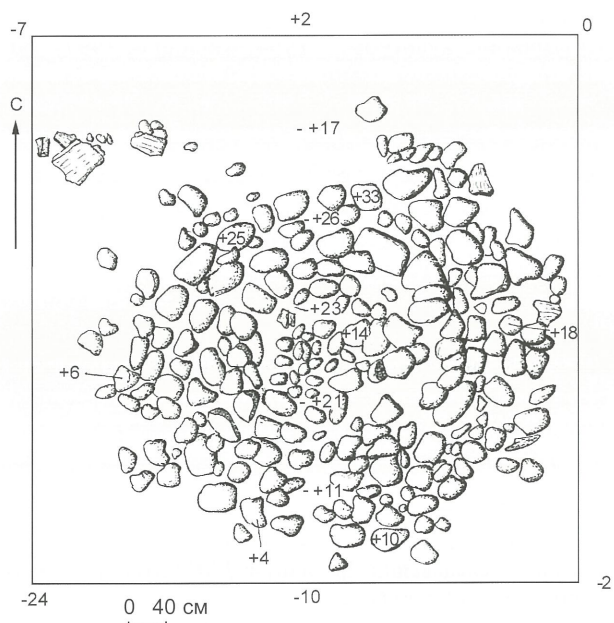

Рис. 5. Насыпь кург. № 1 после расчистки дерна. Курганный могильник Кальджин-8.

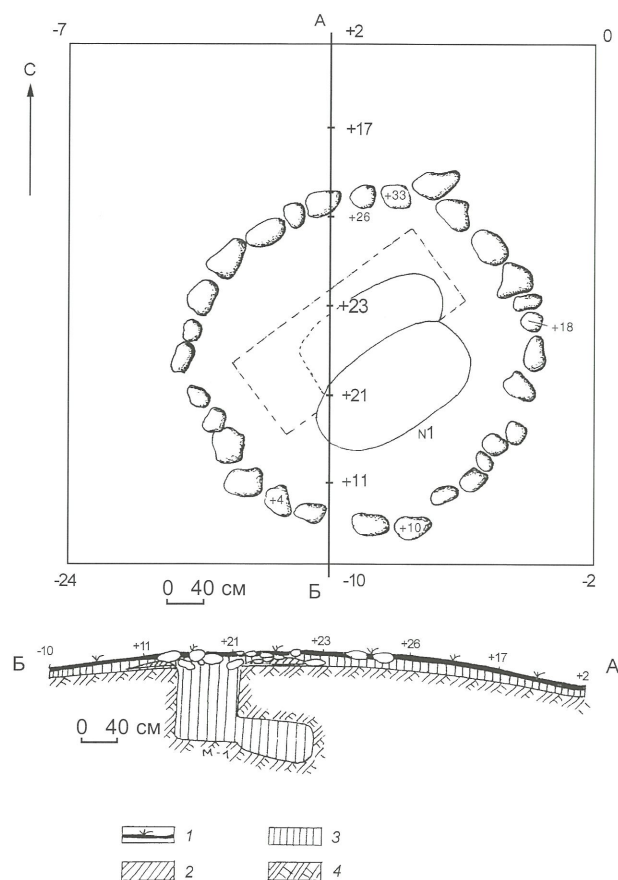

Рис. 6. Кольцо из крупного валунника вокруг погребения и разрез насыпи и могилы кург. № 1.

1 – дерн, 2 – светло-коричневая супесь, 3 – серая супесь без вкрапления щебня, 4 – желтый суглинок.

рукции кургана отчетливо прослеживалось кольцо-ограда из наиболее крупного валунника (приблизительно 0,5 м в поперечнике) диаметром 3,5–4 м (рис. 6, 7). Погребение находилось в центре ограды.

Могильная яма овальной формы размерами 1,8 × 1,12 м и глубиной от уровня материка 0,75 м была ориентирована продольной осью по линии северо-запад – юго-восток. На глубине 0,38 м от уровня материка в юго-западной части могилы находился полный скелет лошади (рис. 8, 9). Судя по хорошо сохранившимся зубам, это была молодая особь. Животное было положено в могилу на животе с поджатыми ногами, ориентировано на юго-запад, голова повернута вдоль корпуса (“внутри” могилы). Лошадь погребли взнузданной и “под седлом”. Между челюстями были обнаружены железные удила (рис. 10, 9) и железное 8-образное стремя (рис. 10, 8), а на правых ребрах – еще одно стремя этого же типа. Среди костей лошади выявлены роговые фрагменты лук седла (рис. 11). На костях скелета зафиксированы остатки

Рис. 7. Кольцо из крупного валунника вокруг погребения кург. № 1. Курганный могильник Кальджин-8.

древесного тлена. У правых ребер найдена костяная пряжка, скорее всего подпругная (рис. 10, 3), рядом с ней – кость ноги овцы.

В процессе зачистки стенок в северо-западной части были выявлены следы подбоя. Для дальнейших исследований сделана прямоугольная прирезка размерами 2,6 × 1,1 м. На этом участке на глубине 0,85–1,0 м от уровня материка (чуть глубже захоронения лошади) находился костяк человека.

Погребенная – пожилая женщина* небольшого роста (приблизительно 1,5–1,6 м), судя по расположению костей скелета, была положена в яму на спине в вытянутом положении, головой на северо-восток (см. рис. 8, 12), с согнутой в локтевом суставе левой рукой и вытянутой вдоль туловища правой. Кость левой кисти находилась на костях таза. Под костями прослеживался слой черной органики толщиной 1–1,5 см, который можно связать, скорее всего, с остатками войлочной подстилки на дне могильной ямы. У левой височной кости обнаружена бронзовая серьга (см. рис. 10, 7), а на правой плечевой кости – костяная рукоять плети (см. рис. 10, 5), от которой до правого крыла таза прослеживались волокна растительного происхождения. У левого крыла таза была найдена костяная концевая накладка ремня (см. рис. 10, 4). У правой бедренной кости с внешней стороны лежала роговая пряжка (рис. 10, 2). Между бедренными костями находилась небольшая подвеска из зуба марала. На грудной клетке и части тазовых костей были зафиксированы фрагменты ткани (остатки одежды или погребального савана).

Курган № 3 округлой формы диаметром до 7 м. Насыпь высотой до 0,3 м от уровня современной поверхности была сложена из речного галечника, с юго-

* Все половозрастные определения выполнены канд. биол. наук Т.А. Чикишевой, за что авторы выражают ей свою признательность.

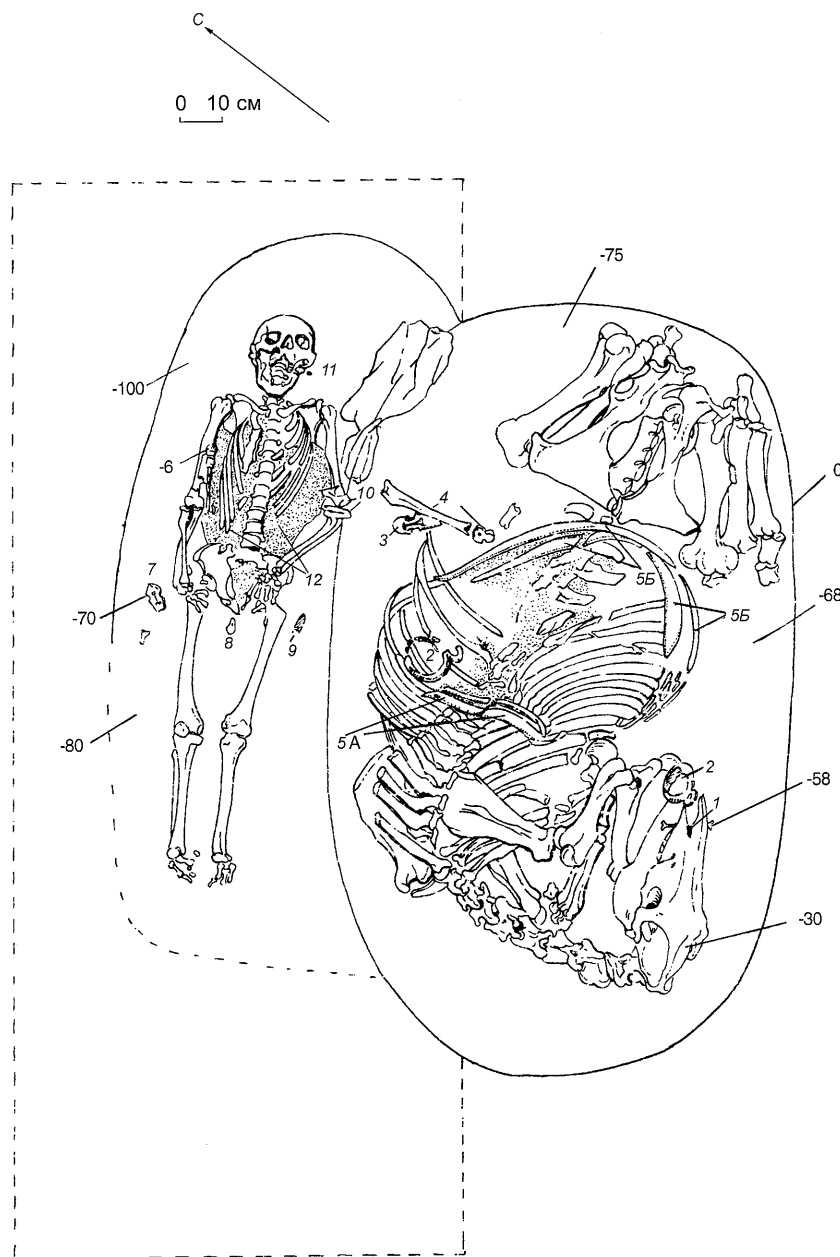

Рис. 8. План погр. № 1 кург. № 1. Курганный могильник Кальджин-8.
1 – удила, 2 – стремяна, 3 – пряжка, 4 – кости барана, 5 – седло (передняя (А) и задняя (Б) луки), 6 – навершие плети, 7 – поясная пряжка, 8 – подвеска, 9 – наконечник ремня, 10 – фрагмент таза барана, 11 – серьга, 12 – органические остатки.

запада к ней примыкала небольшая насыпь кург. № 4 (рис. 13). В ходе разборки насыпи кург. № 3 между камнями были обнаружены мелкие фрагменты костей животных и раздавленный череп лошади без нижней челюсти, лежавший теменной частью вниз.

Исследование позволило выявить некоторые конструктивные особенности и порядок сооружения на-

сыпи кург. № 3: сначала в почве вырыли круглый котлован диаметром 3,8 м и глубиной 0,1 м, затем его стенки по всему периметру укрепили крупными (0,5 м в поперечнике) валунами, а после этого с внешней стороны котлована, вплотную к его краю, выложили внешнее каменное кольцо из валунов (рис. 14), которое завалили более мелкими камнями. Интересно, что сходная последовательность сооружения надмогильной конструкции восстанавливается по материалам погребальных комплексов пазырыкской культуры на Укоке [Молодин, 1992, с. 103 – 106].

В кург. № 3 могильная яма подпрямоугольной формы находилась в центральной части каменного кольца и была ориентирована продольной осью по линии северо-восток-восток – юго-запад-запад (см. рис. 11). Ее размеры 2,7 × 1,85 м, глубина 1,1 м от уровня материка. На дне ямы обнаружены костные остатки человека и лошади (рис. 15).

В могиле находился костяк женщины (?). Умершая была захоронена на спине в вытянутом положении, судя по расположению костей, головой на юго-запад-запад. Череп отсутствовал, на его месте лежал деревянный гребень (рис. 16). На скелете отмечен темно-коричневый органический тлен – очевидно, остатки одежды или ткани, в которую, вероятно, было завернуто тело умершей. Под костями зафиксированы следы подстилки из какого-то растительного материала, покрытого войлоком. При погребении обе руки умершей были слегка разведены, согнуты в локтях и уложены кистями друг на

друга на животе – кости кистей обнаружены на правом крыле таза. В районе таза был обнаружен небольшой железный нож (см. рис. 10, б).

Останки лошади находились слева от скелета человека, на 0,1 м выше него. Между костяками зафиксировано несколько вертикально поставленных деревянных колышков; очевидно, это остатки перегород-

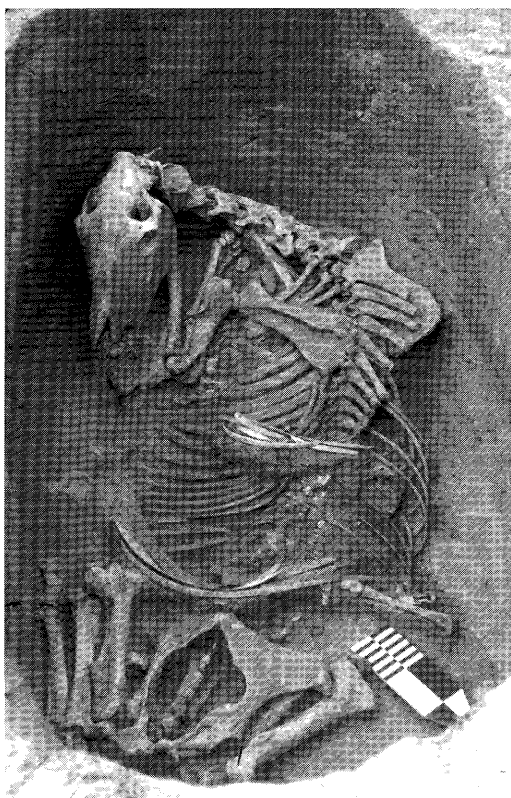

Рис. 9. Останки лошади, погребенной в кург. № 1.
Курганный могильник Кальджин-8.

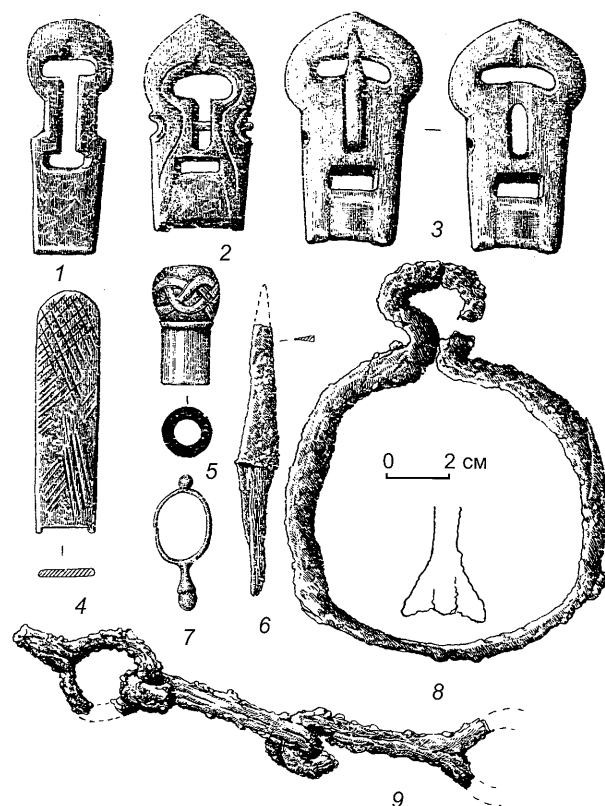

Рис. 10. Предметы тюркского времени
из могильника Кальджин-8.

1, 6 – насыпь кург. № 3; 2 – 5, 7 – 9 – насыпь кург. № 1. 1 – 5 –
рог, кость; 6, 8, 9 – железо; 7 – бронза.

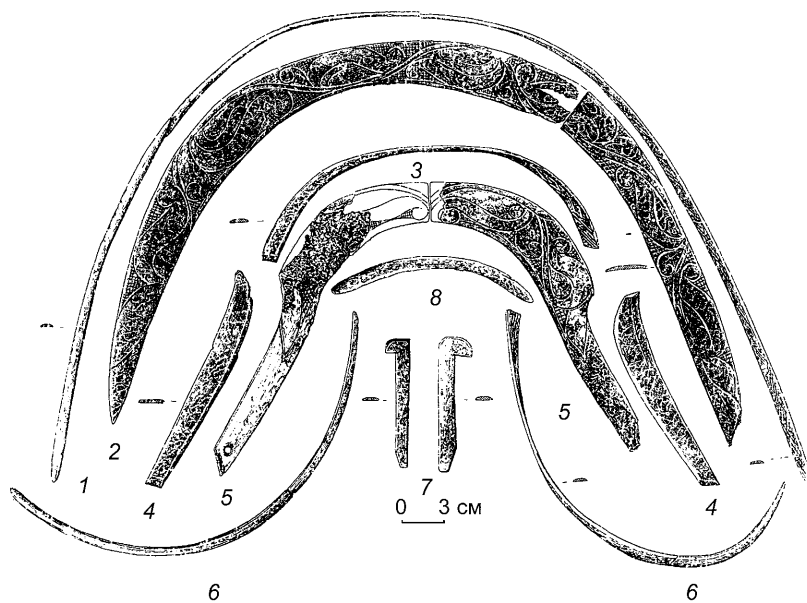

Рис. 11. Фрагменты седла из погребения под насыпью кург. № 1.
1 – кант задней луки, 2 – тыльная обкладка задней луки, 3 – верхний кант передней луки,
4 – боковые канты передней луки, 5 – фронтальная накладка передней луки, 6 – канты
полок седла, 7 – декоративные накладки на фиксирующие клинья, 8 – кант.

Рис. 12. Погребение женщины. Кург. № 1, курганный могильник Кальджин-8.

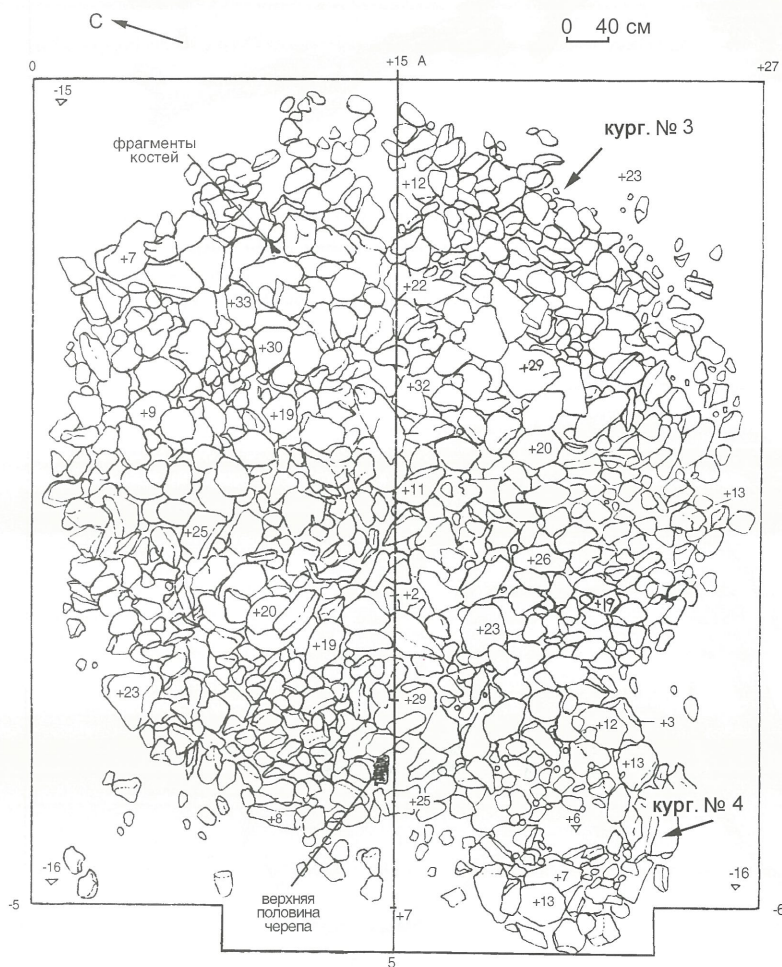

Рис. 13. Насыпи кург. № 3, 4 после снятия дерна. Курганный могильник Кальджин-8.

ки. Судя по положению костей, при погребении лошадь положили на живот с подогнутыми ногами, приподняв голову и развернув шею к корпусу. Сказать что-либо о положении черепа трудно, поскольку участок, где он должен был находиться, сильно потревожен грызуном. Вокруг фаунистических остатков зафиксирован обильный органический тлен, часть которого, несомненно, является следами убранства лошади. На позвоночнике отмечена древесная труха – очевидно, остатки жесткого каркаса седла. Близ кости правой передней ноги лошади найдена роговая пряжка (см. рис. 10, 1). Под костяком животного обнаружены берестяная накладка с кончика ремня и следы окисленного железа, которые, к сожалению, не позволяют судить о типе и форме изделий.

Характеристика инвентаря

Инвентарь в целом невелик, но позволяет делать выводы о хронологии и некоторых культурных особенностях комплексов.

Пряжки. Обнаружено три образца из рога (см. рис. 10, 1 – 3). Все разнотипные.

Ременная пряжка из кург. № 1 (см. рис. 10, 2) относится к однотавровым выделеннорамчатым с рамкой, имеющей ярко выраженный острый носик дужки, и щитком трапецевидной формы. Дата подобных пряжек – IX – XI вв. н.э. Наибольшее распространение изделия этого типа получили у носителей сrostкинской культуры и у кимаков Восточного Казахстана [Неверов, 1985, с. 202].

Подпругная пряжка из кург. № 1 (см. рис. 10, 3) довольно своеобразна – все три прорези на ней отделены друг от друга. Она имеет подвижный костяной язычок и относится к отделу выделеннорамчатых, типу сердцевидных. Опубликованные аналоги трехпрорезным пряжкам немногочисленны; некоторые из них (могильник Кокэнь) относятся к VII – VIII вв. н.э., но большая часть датируется X – XII вв. н.э. (памятники аскизской культуры, напр., могильник Узун-хай) [Са-

винов, 1984, табл. III, 22; Могильников, 1981, рис. 74, 59, 66]. Известна пряжка (Ташанта III, кург. 10, основное погребение (раскопки В.Д. Кубарева)), которая датируется концом VII – VIII вв. н.э.*

Пряжка из кург. № 3 с круглой рамкой и трапециевидным щитком (см. рис. 10, 1) относится к разделу двухтавровых (приемная прорезь соединена с концевой сплошной прорезью), отделу выделеннорамчатых [Неверов, 1985, с. 196]. Определяющим хронологии данной пряжки признаком является размер щитка, значительно превышающий размер рамки. Эта особенность сближает данную находку с изделиями предмонгольского и монгольского времени. Однако, по нашему мнению, пряжку из кург. № 3 следует связывать с X – XI вв. н.э.

Стремена. В кург. № 1 среди костей погребенной лошади обнаружена пара однотипных железных стремян (см. рис. 10, 8), которые принадлежат к отделу петельчатых, типу округлопетельчатых [Неверов, 1989, с. 91 – 93].

Вопросы хронологии металлических стремян второй половины I тыс. н.э. рассматривались в целом ряде работ (см., напр.: [Амброз, 1973; Кызласов, 1973; Кирпичников, 1975; Вайнштейн, Крюков, 1984; Савинов, 1977]). В отличие от выделеннопластинчатых стремян, петельчатые являются, по мнению С.П. Нестерова, южно-сибирским изобретением [1988, с. 177]. Хронология данного типа достаточно широкая – конец VI – X в. н.э., уточнить дату пока не представляется возможным. Стременам данного типа С.П. Нестеров приводит многочисленные аналоги из могильников второй половины I тыс. н.э. на территории Алтая, Тувы и Минусинской котловины. По его наблюдениям, в VII – VIII вв. н.э. стремяна обозначали социальные различия, например, петельчатые соответствовали рядовым членам общества. Позднее, в IX – X вв. н.э., эта функция утратила свое значение [Нестеров, 1988, с. 180 – 182].

Удила (см. рис. 10, 9). Железные удила из кург. № 1 представляют собой соединение двух асиммет-

* Благодарим В.Д. Кубарева за любезно предоставленные сведения из неопубликованных материалов.

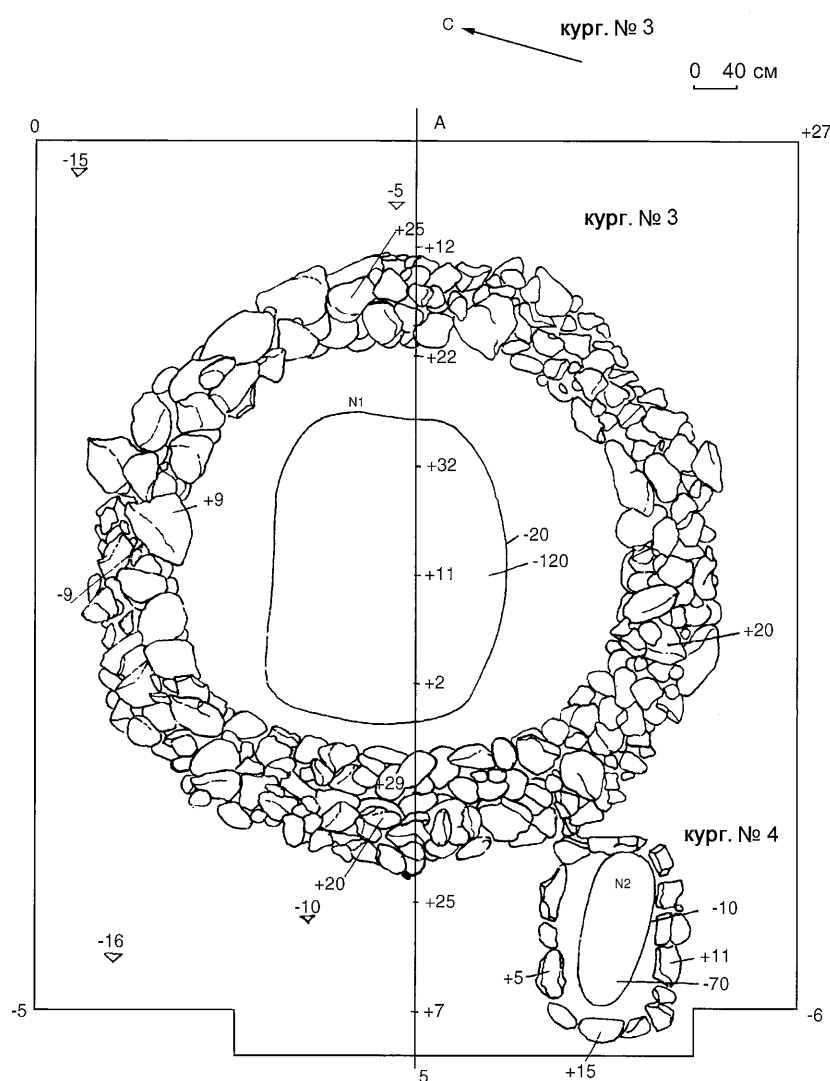

Рис. 14. Каменные кольца и расположение погребений под насыпями кург. № 3, 4. Курганный могильник Кальджин-8.

ричных звеньев (одно из них с кольцом диаметром 32 мм (по внешнему контуру), другое с небольшим кольцом, в которое вставлено еще одно кольцо с “шипом”). Подобные удила, имеющие кольца с “шипами”, известны по находкам из памятников лесостепной Евразии конца I тыс. н.э.

Нож (см. рис. 10, 6). Трехгранный в сечении небольшой черешковый нож обнаружен в кург. № 3. Подобные изделия на территории Алтая бытовали с эпохи ранних кочевников. Нож имел бытовое назначение и, поскольку принадлежит к категории простейших, широкого хронологического диапазона, не может быть использован для уточнения даты погребения.

Подвеска из резца марала из погребения кург. № 1 представляет собой практически необработанный зуб

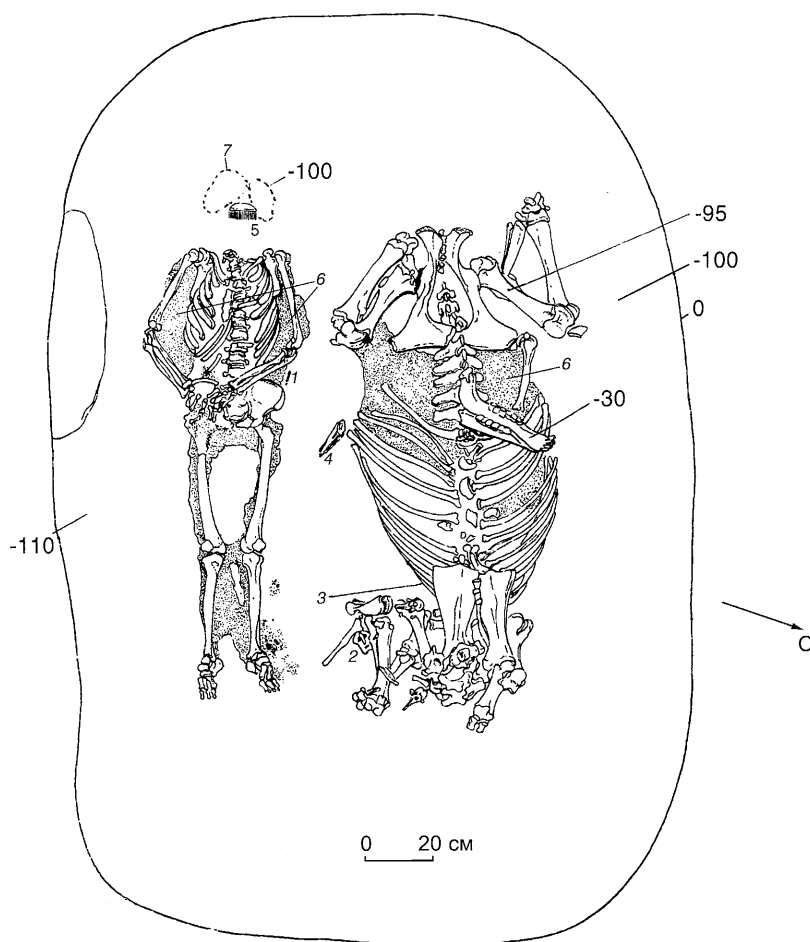

Рис. 15. План погр. № 1 кург. № 3. Курганный могильник Кальджин-8. 1 – нож, 2 – пряжка, 3 – наконечник ремня, 4 – фрагменты жердей, 5 – гребень, 6 – органические остатки, 7 – камни.

животного с небольшим круглым отверстием в корне. Традиция использования подвесок из зубов различных животных в Евразии сохранялась от палеолита до современности.

Рукоять плети. Найдена в кург. № 1. Навершие из кости украшено художественной резьбой (см. рис. 10, 5) и имеет достаточно широкий круг аналогов [Бородовский, 1987, с. 28 – 39; 1993, с. 179 – 189], напр., образец из Хакасии, найденный в 1903 г. В.С. Андриановым у улуса Серова, относящийся к позднему средневековью [Кызласов, 1979, с. 54]. В домонгольский период плети с роговыми рукоятями, оформленными резьбой в виде плетенки, получили очень широкое распространение, не менее популярными были плети с неукрашенными рукоятями [Грач, 1960, с. 138, рис. 86].

Серьга (см. рис. 10, 7). Обнаружена в области черепа женщины в кург. № 1. Представляет собой бронзовое цельнолитое несомкнутое овальное ко-

лечко из проволоки с небольшой шишечкой в верхней части и каплевидной подвеской. Подобные серьги салтовского типа хорошо известны по находкам из памятников в евразийской лесостепи и датируются второй половиной VIII – X в. н.э. [Амброз, 1971, с. 122, рис. 8, 18 – 32; Распопова, 1980, с. 112, рис. 75].

Наконечник ремня (см. рис. 10, 4). Найден в кург. № 1. Выполнен из кости, орнаментирован насечками. Копирует бронзовые наконечники поясных гарнитур тюркского времени. Исследователи неоднократно отмечали связь между социальным статусом владельца ремня и материалом, из которого были изготовлены поясные накладки [Добжанский, 1990, с. 41]. Рассматриваемая находка свидетельствует о низком социальном статусе погребенной.

Гребень (см. рис. 16). Изготовлен из дерева, плохой сохранности. Обнаружен на месте отсутствующего черепа человека в погребении кург. № 3. В средневековых памятниках Южной Сибири деревянные гребни очень редки. Они были обнаружены в Туве – на Салдаме [Кызласов, 1979, с. 194, рис. 151, 2] и Монгун-Тайге (кург. МТ – 57-IX) у головы погребенного в шелковой шапочке вместе с китайским зеркалом [Грач, 1960, с. 22, рис. 21, 24].

Средневековые захоронения людей без головы (на ее месте помещался какой-либо предмет) известны в Южной Сибири. Так, в могильнике Чааты-1 в Туве в погребении кург. № 18 на месте отсутствующей головы находился сосуд [Кызласов, 1979, с. 175 – 177]. Погребения с костяками без черепов зафиксированы и в Западной Сибири, в лесном Приобье, в ареале современного обско-угорского и самодийского населения [Чиндина, 1977, с. 102, 103; Пелих, 1972, с. 264 – 265].

Корректная интерпретация детали погребальной обрядности, зафиксированной в кург. № 3, чрезвычайно сложна. Многочисленные археологические и этнографические реалии свидетельствуют об особом отношении тюркоязычных народов Южной Сибири к голове, волосам и их атрибутам [Шуклина, 2002, с. 558 – 560]. Можно предположить наличие семантической связи – голова – волосы – гребень. У южно-сибирских тюркоязычных народов волосы считались

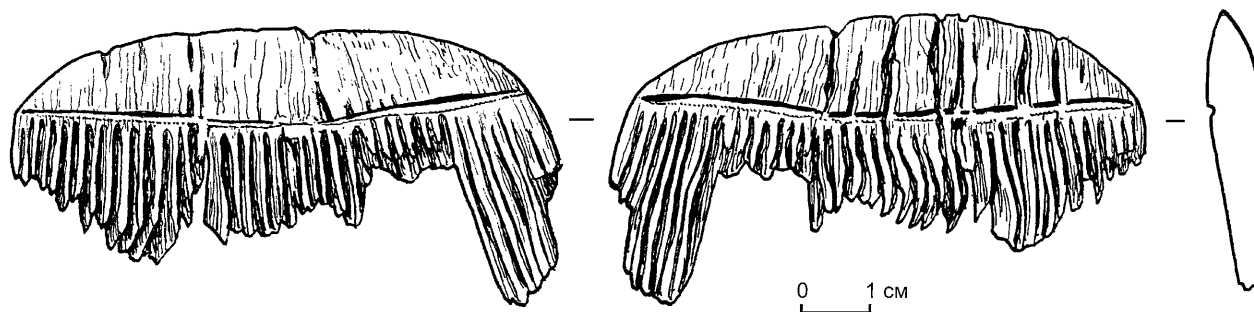

Рис. 16. Деревянный гребень из погр. № 1 кург. № 3. Курганный могильник Кальджин-8.

воплощением непреодолимой силы роста. “В повседневной культуре и обрядовой практике волосы окружались особой заботой. У теленгитов, например, запрещалось выходить с распущенными волосами (распущенные волосы как универсальный признак траура (смерти)) на улицу ночью, так как злые духи могли схватить и унести человека. Женщины, особенно замужние, обязательно закрывали голову платком. Прежде теленгиты избегали стричь волосы, выпавшие же собирали и копили в течение всей жизни. Затем их сплетали в косу и клали в могилу – это была подушка покойного на том свете” [Львова и др., 1989, с. 59]. Напомним, что Албасты – общетюркский мифологический персонаж – обычно изображали в виде уродливой женщины с длинными распущенными светлыми волосами. Считалось, что она обитает вблизи водоемов и обычно является людям, расчесывая волосы. Гребень – один из ее атрибутов [Басилов, 1991, с. 29]. Не исключено, что в кург. № 3 представлены следы ритуального замещения преднамеренно отчлененной и отсутствующей в погребении головы либо гребнем (символ волос), либо волосами вместе с гребнем. Как показывают этнографические параллели, подобное замещение несло в себе значительную смысловую нагрузку.

Археологические материалы, к сожалению, не дают информации для рассуждений о причинах отсутствия головы в рассматриваемом погребальном комплексе. Объяснения этой особенности могут быть разные, например, военный травматизм или специфика обряда погребального цикла. Согласно широко распространенным представлениям у различных народов, эта часть тела связана с какой-то особой жизненной силой и может являться вместилищем души или, как это отчетливо фиксируется в системе традиционных представлений аборигенного обско-угорского и самодийского населения Западной Сибири, одной из душ человека. По данным Г.И. Пелих, предки селькупов, если подозревали, что человек при жизни общался с нечистой силой и одна из его душ (*кэдо*)

была заменена чертом (*кава-лоз*), то стремились не сохранить такую “душу в черепе, а, наоборот, выгнать ее оттуда и уничтожить”. Для этого умершему при погребении отсекали голову, которую затем сжигали или варили над костром, а остатки закапывали в землю [Пелих, 1972, с. 117, 264 – 265].

Седло (см. рис. 12). Вопросам убранства верхового коня – одного из важнейших компонентов культурного наследия кочевых народов – посвящен целый ряд исследований, в которых на материалах Южной Сибири и Юго-Восточной Азии рассмотрен генезис седел с жесткой основой, выделены их типы и основные направления эволюции, закономерности развития стремян, псалий в древнетюркское и монгольское время [Амброз, 1973, с. 81 – 98; Вайнштейн, 1966а, с. 67 – 74; 1972, с. 126 – 136; Гаврилова, 1965, с. 80 – 87; Кызласов, 1979, с. 135 – 140; Савинов, 1977, с. 31 – 47; 1984, с. 131 – 132; Овчинникова, 1990, с. 86 – 129]. В северо-западных предгорьях Алтая В.А. Могильниковым обнаружено несколько костяных накладок (окантовок) седельных луков, в т.ч. полностью сохранившиеся наборы (Гилево XII, кург. № 2; Гилево XIII, кург. № 5) [Могильников, 2002, с. 96, рис. 87; 108, б]. Исследователь привел небольшую сводку накладок из погребений второй половины I – начала II тыс. н.э. тюркоязычного населения Саяно-Алтая, Тувы, Верхнего Прииртышья, лесостепи Западной Сибири и степей Восточной Европы [Там же, с. 96]. Он отметил, что большинство седел без накладок было обнаружено в могилах рядовых общинников, седла с костяными накладками являлись принадлежностью людей, вероятно, более высокого социального ранга [Там же, с. 96 – 97]. В Горном Алтае, на очень значимом “участке древнетюркского мира”, найдено относительно немного предметов материальной культуры, которые могут быть отнесены к деталям седел второй половины I тыс. н.э. И хотя здесь обнаружены очень яркие накладки, в целом они не расширяют представлений об устройстве собственно “алтайских” седел. Учитывая это, полный набор обкладок луков

из погребения кург. № 1 памятника Кальджин-8 следует считать важным источником информации, поскольку он позволяет восстановить (хотя бы в общих чертах) устройство жесткого каркаса седла, помещенного в могилу.

Комплект накладок включает 16 роговых пластин, которые в соответствии с их местом на деревянном каркасе седла можно отнести к передней и задней лукам и полкам. Первая группа представлена пятью обкладками, три из них торцевые (канты) (см. рис. 11, 3, 4), две – составные части единой фронтальной пластины (см. рис. 11, 5). К сожалению, последние повреждены в месте их стыка между собой. Размеры сохранившихся частей $23 \times 3,7 \times 1,6$ см (правая половинка) и $20 \times 3,6 \times 1,8$ см (левая). Хорошо сохранившаяся роговая окантовка вершины передней луки представляет собой округленно трапецевидную в сечении, плавно изогнутую пластину общей длиной 30 см, шириной 1 – 1,2 см. Лицевая часть накладки украшена орнаментом в виде стеблей растений с завитками; между ними – заштрихованные сеткой участки. На оборотной поверхности видны зоны с характерной для рога пористой структурой, покрытые длинными косыми царапинами. Кант сохранил в боковой проекции уплощенно-арочную форму, некогда соответствовавшую абрису верхней части луки седла. Это подтверждается полным совпадением радиуса кривизны продольной плоскости канта и контура верхней части фронтальной накладки. Иными словами, при совмещении поверхности внутренней части канта и ребра накладки их плоскости плотно, практически без зазоров, примыкают друг к другу. Благодаря этому есть возможность не только восстановить ширину арки луки в верхней части, но и определить размеры недостающих фрагментов накладки. Как представляется, фронтальная накладка передней луки была двусоставной, причем ее части монтировались встык. В комплекте накладных деталей передней луки имеются еще два боковых канта, которые располагались на ребрах деревянного каркаса у правого и левого крыльев фронтальной накладки. Это практически симметричные пластины удлиненно-прямоугольной формы с плавным расширением в верхней трети и небольшим сужением к концам, трапецевидные в сечении. Их размеры $15 \times 1,5 \times 22$ см. На концах пластины несколько изогнуты, наподобие носка лыж (см. рис. 11, 4). Внутренняя поверхность их также заштрихована рядами косых царапин. При совмещении поверхности ребер лицевой накладки и брюшка канта пластины полностью смыкаются по всем плоскостям, включая кривые. Однако канты длиннее крыльев фронтальной накладки и заметно выступают в нижней трети за ее пределы. Таким образом, судя по длине кантов, деревянная часть передней луки седла была намного больше лицевого декоративного рогового покрытия.

Вторая группа пластин относится к облицовке задней луки и представлена четырьмя образцами, которые попарно составляют кант и фронтальную обкладку (см. рис. 11, 1, 2). Кант собирается из длинных односторонне выпуклых дугообразно изогнутых и скрепленных внахлест роговых полосок размерами $62 \times 1,3$ и $25 \times 1,3$ см. Фронтальная обкладка также монтируется из двух плоских дугообразно изогнутых (по оси) разновеликих пластин, соединенных встык. В собранном виде она напоминает слегка зауженный в середине полумесяц. Места стыка аккуратно обрезаны и подогнаны друг к другу. По характеру декора лицевая часть накладки аналогична передней луке. Накладка на заднюю луку короче опоясывающего ее канта, т.е. деревянная основа луки седла, как и передней луки, была больше.

Третья группа (см. рис. 11, 6) объединяет изделия, относящиеся к фронтальным декоративным элементам окантовки торцов полок. Типологически она достаточно однородна и включает четыре узкие односторонне выпуклые дугообразно изогнутые роговые пластины, примерно одинаковой ширины, которая колеблется от 0,6 до 1,2 см. Они составляются попарно. К этой же категории относится фрагмент изделия со слегка скошенными концами. В состав комплекса входят также два Г-образных парных роговых изделия (см. рис. 11, 7) размерами $8,4 \times 1,5 \times 0,9$ и $8,4 \times 2 \times 1$ см. Их внутренняя поверхность, как и у всех других накладок комплекса, заштрихована косыми насечками.

Таким образом, имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет достаточно полно и точно восстановить целый ряд элементов седла и рассмотреть его конструктивные особенности. Прежде всего отметим, что его луки были разные по очертаниям. Форма передней определяется контуром фронтальной орнаментированной накладки, которая в реконструированном виде по силуэту (рис. 17, 3) весьма близка к накладке на пластину из Кудыргэ.

Передней луке седла из могильника Кальджин-8 в ее реконструированном виде можно найти аналоги среди материалов памятников VIII – X вв. на территории Европы, Сибири и Юго-Восточной Азии. Стилистически с ней очень схожи (хотя имеются некоторые различия) луки седел из кург. 22 могильника Кокзель, погребения начала VIII в. в Шалиате на Северном Кавказе, погр. 960 – 961 гг. в Жэхэ в Китае и могильника Большие Луки-1 в Барабинской лесостепи [Вайнштейн, 1966б, рис. 7, 12, 16, 20; Бородавский, Новиков, 1983, с. 71, рис. 31]. Из территориально более близких аналогов можно назвать уже упоминавшуюся обкладку из Кудыргэ [Гаврилова, 1965, табл. XVI, 4] и типологически схожую по орнаментальным мотивам роговую обкладку луки седла из

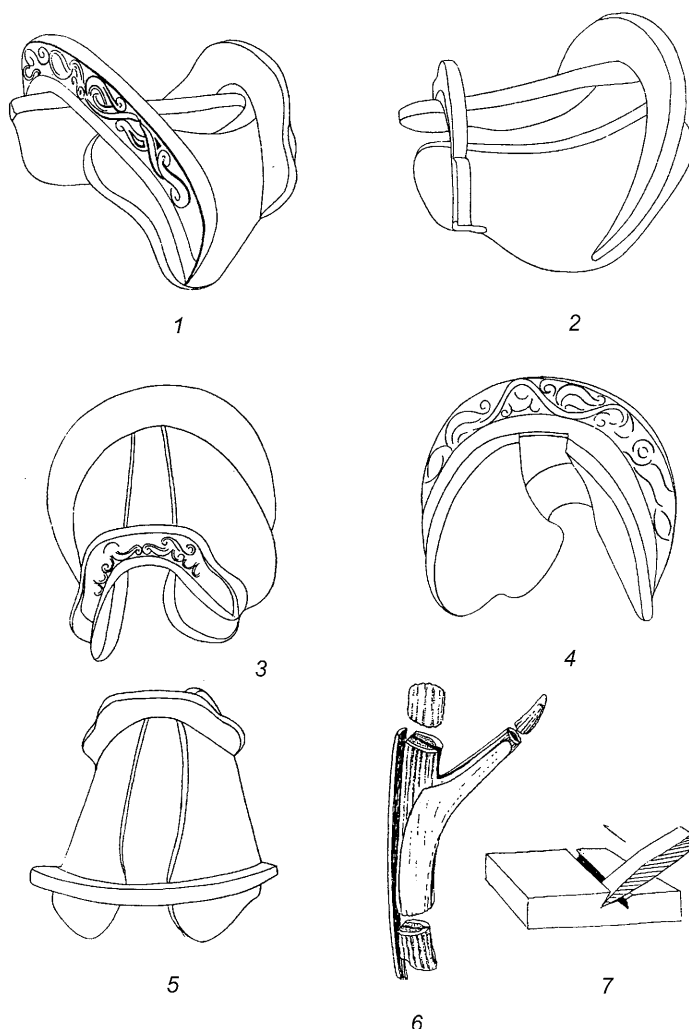

Рис. 17. Проекция модели седла (1 – 5) и схемы раскроя рога (6) и прорезки орнамента (7).

могильника Джолин [Молодин, 1995, рис. 151]. Правда, морфологически последняя значительно отличается от обкладки из Кальджина-8.

Передние концы полок каркаса кальджинского седла имели, судя по округлому контуру составленных друг с другом узких роговых пластин окантовки его торца (см. рис. 11, 6), форму неправильного (асимметричного) сегмента (см. рис. 17, 2). Ширина полок седла в месте установки передней луки определяется по длине хорды, стягивающей концы дуги этой роговой окантовки. Именно по этой хорде на полки устанавливались основания крыльев луки.

К сожалению, мы не знаем, имели ли деревянные луки кальджинского седла шипы, призванные обеспечить надежное сцепление с краями ленточка, но, очевидно, что скреплялись все эти детали каркаса между собой характерным для древнетюркского

времени способом: их связывали ремешками, которые пропускали через специальные отверстия [Гаврилова, 1965, с. 85, 86; Савинов, 1977, с. 35; Вайнштейн, 1966а, с. 326; Бородовский, Новиков, 1983, с. 71, рис. 31]. В пользу этого предположения свидетельствует отверстие в левом крыле фронтальной костяной обкладки из Кальджина-8. Отсутствие других аналогичных следов скрепления можно легко объяснить тем, что монтажные отверстия проходили сквозь деревянную основу, которая, как отмечалось, была шире накладки. Вероятно, сочленение испытывало достаточно большие нагрузки, поэтому для предотвращения продольного смещения на полках у основания лук детали укрепляли двумя Г-образными брусками. Об этом свидетельствуют роговые “крючки”, декорировавшие поверхность данного узла.

Задняя лука седла, насколько можно судить по конфигурации накладок, имела полулунную форму. Ее лицевая обкладка спинкой по всей длине смыкалась с кантом, который был длиннее, его концы выступали на 8 см. Характерные следы вдоль внутренней поверхности канта и на узкой поверхности внешнего ребра обкладки свидетельствуют о плотном сочленении этих деталей. Это позволяет говорить о том, что орнаментированная роговая пластина фронтальной декоративной накладки была смещена вверх к самой внешней кромке задней луки седла, а следовательно, о наличии неприкрытых деревянных участков и у приостренных вершин ее рогов, и вдоль внутренней вогнутой части “полумесяца” между ними. Пластина была установлена на задней луке. Плоскостная ориентация изделия вкупе с пространственными особенностями распространения волокон древесного тлена каркаса седла свидетельствуют о сильном скосе луки назад, что согласуется с принципом установки ее на полки в наклон, зафиксированном по изображениям и “реальным” седлам тюркского времени [Савинов, 1977, с. 31 – 32; Амброз, 1973, с. 96 – 98; Вайнштейн, 1966а, рис. 40, 41]. Говоря об устройстве спинки калдьжинского седла, нельзя не отметить некоторое сужение декоративной пластины в ее центральной части. Возможно, на этот участок приходился небольшой арочный вырез в основании каркаса луки (над хребтом лошади). Наклонные спинки в виде полумесяца с арочным вырезом были характерны для седел древнетюркской эпохи [Савинов, 1977, с. 31; Амброз, 1973, с. 96 – 98; Кызласов, 1979, рис. 96; Вайнштейн, 1966а, табл. XI].

Для проверки правомерности предложенной реконструкции проводилось объемное моделирование седла. Для этого в масштабе были изготовлены декоративные элементы и воссозданы деревянные части жесткого каркаса. В ходе макетирования нашлась объяснение характерная изогнутость роговых деталей оригинала, интерпретированная при визуальном анализе материала как следствие его деформации. Выяснилось, что такой профиль деталей в общих чертах согласуется с конструкцией луки, отклоненной назад и вместе с тем слегка вогнутой, как спинка кресла (см. рис. 17, 2). Аналогичный профиль имеет задняя лука седла из кург. № 1 могильника Большие Луки-1 [Бородовский, Новиков, 1983, с. 70 – 71].

В процессе моделирования сочленения спинок седла с полками выяснилось, что последние также должны иметь выгнутую поверхность. В противном случае невозможно достичь ее плотного примыкания к основе наклонной задней спинки и, самое главное, добиться равномерного распределения веса всадника на бока лошади.

Судя по отчетливо различимым кровеносным каналам губчатого вещества рога на внутренней поверхности лицевых обкладок передней луки, сырьем для

них послужил рог марала, точнее, фрагмент части стебля и плоскости короны в зоне ответвления отростка (см. рис. 17, 6). Таким образом, стадию предварительного отбора сырья можно охарактеризовать как поиск материала с заведомо определенными линейными параметрами и степенью кривизны. Аналогичным образом подбирался материал и для кантов, и для обкладки задней луки. Только в этих случаях главным критерием была длина заготовки, поэтому продуктами утилизации являлись тыльные и боковые участки стебля рога, не имеющие разветвлений. Следующий этап первичной обработки сырья заключался, видимо, в расщеплении материала и отчленении необходимых плоскостей. Процедура получения длинных пластин из рога для неолитических луков серовского типа по этнографическим материалам подробно описана А.П. Окладниковым [1950, с. 206 – 207]. В древнетюркское время количество операций, видимо, осталось прежним, правда, последовательность, на наш взгляд, изменилась. Впрочем, эти нюансы не имеют принципиального значения. Они могут зависеть от естественных качеств и состояния рога, определяемых сезоном добычи, был это “живой” или сброшенный вырост и т.д.

После разметки подходящих участков и поперечного расчленения ветви на блоки следовала, по всей видимости, их первичная обработка. Она состояла в стесывании наружных бугорков и сглаживании поверхности. Далее верхнюю плотную корку прорезали на всю глубину до внутренней губчатой массы. На следующем этапе с помощью ножа ее отделяли от основного массива заготовки будущего изделия. Как показали эксперименты, внутреннее пористое вещество быстро размачивается в горячей воде и легко срезается обычным лезвием. Параллельно с удалением внутренней губчатой массы шло выскабливание наружного покрова заготовки до гладкого состояния и равномерной толщины, необходимой для последующего ее распрямления. На этом подготовительные операции для изготовления деталей окантовки заканчивались. Полуфабрикаты фронтальной и тыльной обкладок, сохранявшие выпуклую форму поверхности стебля рога, подвергались распрямлению до плоского состояния. Судя по толщине накладок из могильника Калдьжин-8, заготовки для них были распарены и высушены. Когда “пластины” стали плоскими, их подвергли окончательной формовке.

Подгонка плоскостей деревянного каркаса и роговых накладок также осуществлялась в несколько этапов. Размоченные накладки поочередно укладывали на поверхности лук в местах их будущего расположения, затем обе детали плотно стягивали по всей длине тонким ремешком или бечевкой и в таком состоянии сушили. Аналогичной операции подвергались и роговые канты. В первую очередь к лу-

кам приклеивали их фронтальные обкладки. Далее верхние их части, проходившие вдоль спинок деревянных каркасов передней и задней лук седла, выравнивали напильником заподлицо с поверхностью их ребер. Следы этого инструмента хорошо заметны на верхних ребрах обкладок. В процессе обточки поверхности канта рифтовались для лучшего сцепления деталей. После того как кант был приклеен, все выступы и заусеницы над боковыми плоскостями лук срезали, швы заравнивали, ребра самого канта обрабатывали и скругляли. И, наконец, всю роговую поверхность заглаживали шабрением, характерные следы которого отчетливо прослеживаются под микроскопом.

Учитывая толщину накладок, орнамент, вероятно, наносили на приклеенный материал. В противном случае при сильном нажиме режущего инструмента можно было проколоть пластины насквозь. При орнаментации использовалась техника “прорезки”: остро заточенным лезвием под углом к поверхности заготовки надсекались линии, соответствующие контуру предполагаемого изображения, затем вдоль них под встречным углом прорезались другие линии (рис. 17, 7), дно и стенки образовавшегося желобка обрабатывались, по всей видимости, боушной частью того же инструмента и окончательно затирались чем-то вроде деревянной палочки. Следует отметить, что не весь орнамент (преимущественно зоны пальметок тыльной обкладки) выполнялся в такой технике. “Клеточная” штриховка между “волютами” выполнялась простыми насечками, которые лишь слегка подрабатывались в отдельных местах. В целом рисунок выгравирован весьма небрежно, хотя поверхность готового изделия дополнительно отполирована. Эта упрощенность техники особенно заметна, если сравнить орнамент на калъджинских накладках и сюжетно близкий декор на седельной пластине из Катанды [Гаврилова, 1965, рис. 8, 13]. Последний сделан рельефно, пальметки выступают над углубленным фоном. Резьба на калъджинской находке плоскостная, хотя очевидно стремление мастера усилить выразительность за счет пологого стесывания внешнего края “волютов”. На катандинской пластине участки фона углублены, а на калъджинской покрыты насечками, затирающие которых каким-нибудь жировым красителем либо просто землей делает гравировку хорошо видимой. Создается впечатление, что поверхность была подготовлена для окрашивания и насечки предназначались для улучшения сцепления красочного слоя с поверхностью. Наконец, не исключено, что в данном случае мы имеем своего рода экстраполяцию – перенос на рог техники, применяемой для металла. Бронзовые и серебряные изделия, выполненные в такой манере, известны среди тюркских древностей [Савинов,

1982, рис. 7; Могильников, 1981, рис. 23, 11]. На некоторых из них наблюдаются подобные особенности построения орнаментальной композиции и изобразительных мотивов (Гилево V) [Могильников, 2002, рис. 5, 6]. Сходная техника нанесения изображений в древнетюркское время получила воплощение в граффити на скалах [Кубарев, Маточкин, 1992, с. 27].

К сожалению, мы не располагаем достаточным материалом для однозначного ответа на вопрос, чем же является рассматриваемый предмет – примером общей деградации косторезной техники, новым художественным решением традиционного сюжета конкретной изобразительной школы или же продуктом хорошо налаженного ремесла, нацеленного на изготовление “полуфабриката”, которые покупатель по своему усмотрению мог сделать рельефным или инкрустированным. Последнее предположение нам кажется более предпочтительным. В качестве косвенного свидетельства можно рассматривать материалы из погребений могильника Джолин и памятника в долине Алагаил у с. Акташ в Горном Алтае [Молодин, 1995, рис. 151; Мартынов, Кулемзин, Мартынова, 1985, рис. 9, 1, 2]. На роговых фронтальных накладках седельных лук из этих памятников имеются контурные рисунки, стилистически и технически родственные калъджинским, с аналогичным заштрихованным фоном. Однако пока мало данных для обоснования сделанного заключения, ведь искусство резьбы по кости алтайских тюрков как отдельная проблема все еще находится на начальном этапе исследования.

В погр. № 1 кург. № 3 памятника Калъджин-8 на костяке лошади были найдены предметы, которые могут быть соотнесены с убранством верхового коня. К сожалению, целостность костяка была нарушена сурками, в частности, сам череп оказался за пределами могильной ямы в поле кургана, а нижняя челюсть сдвинута в область позвоночника. Очевидно, перемещенными оказались и удила, с которыми с известной долей условности можно связать лишь несколько сильно окисленных обломков железа в заполнении могильной ямы. Надежным свидетельством того, что лошадь была взнуздана и оседлана, служат роговая подпружная пряжка и густые следы древесного тлена на позвоночнике. Хотя стремяна в комплексе не обнаружены, по локализации и плотности пачки органических древесных остатков можно сделать вывод о том, что в могиле находилось седло жесткого типа. Скорее всего, стремяна были деревянные, с металлическими оковками, которые представляют мелкие плоские окисленные кусочки железа. Отметим, что в эпоху позднего средневековья, близкую к этнографической современности, деревянные стремяна продолжали бытовать наряду

с прекрасными образцами кузнечного и бронзолитейного ремесла. Одно из таких деревянных изделий обнаружено вместе с каркасом седла в погребении алтайца-теленгита XIX в. на средней Катунь [Мыльников, Тэцу Масумото, 1994, с. 93 – 97].

Таким образом, в двух женских погребениях тюркского времени могильника Кальджин-8 находились седла жесткого типа. Отметим, что синхронное им женское захоронение на плато Укок (могильник Бертек-34) также содержало остатки лук деревянного каркаса [Савинов, 1994б, с. 118, рис. 102]. С учетом этого к тезису С.И. Вайнштейна о длительном использовании древнетюркскими женщинами мягкого седла уже после появления жесткого [1972, с. 135] и о том, что отсутствие стремян в погребальных комплексах с верховой лошастью может свидетельствовать о наличии мягкого седла, следует относиться с известной осторожностью.

Хронология и этнокультурная атрибуция

Анализ позволяет достаточно надежно датировать предметы из захоронений кург. № 1 и 3 памятника Кальджин-8 в интервале IX – XI вв. При этом захоронение в кург. № 1, по нашему мнению, следует отнести к IX – X вв., а погребение в кург. № 3 – к X – XI вв. Дата кург. № 3 основана на аналогах обнаруженной в нем пряжки. Западная ориентация погребений характерна для могильников позднего тюркского времени Евразии, а восточная и северо-восточная соответствовала тюркской погребальной обрядности VIII – X вв. [Моги́льников, 1981, с. 190].

Исследователи неоднократно отмечали, что кимакские курганы часто соседствуют с памятниками раннего железного века и образуют планиграфически единые, но разновременные могильники [Трифонов, 1987, с. 115 – 116; Моги́льников, 2002, с. 71]. “Присоединение” средневековых к значительно более ранним курганам мы наблюдаем и на могильнике Кальджин-8.

Что касается определения этнической принадлежности погребенных в кург. № 1 и 3, то оно базируется преимущественно на результатах анализа погребальной обрядности. Зафиксирована двухкомпонентность погребальной обрядности в кург. № 1 и 3. Оба захоронения совершены в близких по устройству надмогильных конструкциях. В каждом кургане совершено по одному захоронению в моги́льных ямах по обряду трупоположения с конем, при этом кони были положены слева от погребенных и ориентированы в противоположную от людей сторону. Роли коня в погребальной обрядности тюркоязычного населения Южной Сибири посвящена обширная литература (см., напр., [Нестеров, 1990]). В кург. № 1 в северной стенке могилы, в который находилась умершая, был подбой, а в кург. № 3 погребение совершено в одной камере.

Захоронения человека в подбое с сопровождением коня как синхронные по времени кальджинскому, так и относящиеся к иным периодам, обнаружены в разных регионах Евразии – Монголии, Туве [Кызласов, 1979, с. 158 – 188; Овчинникова, 1979, с. 71 – 72], Хакасии [Савинов, Павлов, Паульс, 1988, с. 83 – 103], Восточном Казахстане [Арсланова, 1963, рис. 4; Арсланова, Самашев, 1966, с. 122 – 133; Суворова, Ткачев, 1995, с. 255; Ткачев, Ткачева, 1998, с. 62], Верхнем Приобье [Моги́льников, 1981, с. 192], Киргизии [Заднепровский, 1971, с. 27 – 36], Поволжье [Федоров-Давыдов, 1984, с. 80 – 94; Плетнева, 1989, с. 259] и др. По поводу этнической принадлежности погребенных в подбое на территории Южной Сибири существует несколько точек зрения. Так, тувинские могильники Чаты I, II Л.Р. Кызласов считает уйгурскими [1979, с. 158]. Б.Б. Овчинникова видит в подбое уйгурское влияние [1979, с. 72]. По мнению А.А. Гавриловой, для связи катакомбных погребений Тувы с уйгурами нет оснований [1974, с. 180]. С ней согласны Ю.С. Худяков и Д. Цэвэндорж; они полагают, что подобные памятники могло оставить население, находившееся в подчинении у уйгуров, но отличавшееся от них в этническом отношении [1982, с. 93]. С точки зрения Д.Г. Савинова, это предположение вполне допустимо, однако оно не противоречит тезису о возможной принадлежности тувинских погребений уйгурам [1984, с. 88].

Захоронения с подбоем, обнаруженные на юге Хакасии (моги́льники Сабинка-1 и Кирбинский Лог), исследователи связывают с разными этносами – кимаками, азами, курлуками или представителями какого-то другого населения [Савинов, Павлов, Паульс, 1988, с. 101]. Многочисленные погребения человека в подбое с конем в Поволжье и на Дону исследователи относят к хазарам [Семенов, 1978, с. 180 – 182], тюркютам или печенегам, причем все версии выдвигаются как предположения.

Таким образом, можно констатировать, что погребальный обряд трупоположения в подбое с конем сам по себе не является устойчивым этническим маркером. Более того, у южно-алтайских казахов А.В. Коноваловым зафиксированы синхронные подбойные и ямные погребения [1983, с. 116 – 117]. Учитывая, что подбой как разновидность погребальной обрядности отмечен у разных этносов, этническую принадлежность анализируемого погребения необходимо устанавливать, опираясь прежде всего на ближайшие (в географическом смысле) аналоги в Восточном Казахстане (напомним, что с высокогорных пастбищ плоскогорья Укок вниз по течению р. Бухтармы до территории Восточного Казахстана один день конного пути). Кстати, на территории Казахстана начиная с III в. до н.э. получает распространение традиция захоронения в погребениях с под-

боем. После IV в. н.э. она затухает, в VIII – IX вв. вновь возрождается и в IX – X вв. максимально проявляет себя. В Казахском Прииртышье эта традиция просуществовала до позднего средневековья, что позволяет говорить о ее связи с местным населением, входившим в сложное полиэтническое объединение кимаков [Арсланова, 1985, с. 64; Савинов, 1976, с. 94 – 104; 1997, с. 134 – 139]. Подбой с уступом считается прототипом аналогичных мусульманских погребальных конструкций в Средней Азии и Казахстане. Причем к кимакам относят восточно-казахстанские подбойные погребения как с конем, так и без него. Учитывая пограничное положение плоскогорья Укок, а также наличие здесь захоронений с подбоем и без него, причем в одном могильнике, правильнее всего, на наш взгляд, будет говорить о том, что в кург. № 1 и 3 были похоронены носители разных этнокультурных традиций, испытывавшие влияние политического объединения кимаков. На факты сосуществования различных этнокультурных традиций у кимаков (в т.ч. в погребальной обрядности) исследователи уже обращали внимание [Арсланова, 1985, с. 64]. Результаты изучения могильника Кальджин-8 подтверждают выводы, сделанные по этому поводу ранее.

Список литературы

- Амброз А.К.** Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. 1 // СА. – 1971. – № 2. – С. 96 – 123.
- Амброз А.К.** Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (VI – VIII вв.) // СА. – 1973. – № 4. – С. 81 – 98.
- Арсланова Ф.Х.** Бобровский могильник // Изв. АН КазССР. – 1963. – Вып. 4. – С. 86 – 106.
- Арсланова Ф.Х.** К вопросу о взаимосвязях урало-алтайского населения в IX – X вв. // Урало-алтаистика: Археология, этнография, язык. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 63 – 69.
- Арсланова Ф.Х., Самашев З.С.** Курганы кимаков в Семипалатинском Прииртышье // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. – Уфа: Б.и., 1966. – С. 122 – 133.
- Басилов В.Н.** Албасты // Мифологический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1991. – С. 29.
- Бородовский А.П.** Плетки и возможности их использования в системе вооружения племен скифского времени // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 28 – 39.
- Бородовский А.П.** Плетки и стеки в экипировке раннесредневекового всадника юга Западной Сибири // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 179 – 189.
- Бородовский А.П., Новиков А.В.** Раннесредневековые могильники Юго-Западной Барабы, Северо-Западной Кулунды // Бараба в тюркское время. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 68 – 75.
- Вайнштейн С.И.** Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // СЭ. – 1966а. – № 3. – С. 67 – 94.
- Вайнштейн С.И.** Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1966б. – С. 292 – 347. – (Тр. ТКАЭЭ; Т. 2).
- Вайнштейн С.И.** Историческая этнография тувинцев: Проблемы кочевого хозяйства. – М.: Наука, 1972. – 315 с.
- Вайнштейн С.И., Крюков М.В.** Седло и стремя // СЭ. – 1984. – № 6. – С. 114 – 130.
- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.: Наука, 1965. – 145 с.
- Гаврилова А.А.** Сверкающая чаша с Енисея: К вопросу о памятниках уйгуров в Саяно-Алтае // Древняя Сибирь (бронзовый и железный век Сибири). – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 177 – 183.
- Грач А.Д.** Археологические исследования в Кара-Холе и Мойгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.) // Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 73 – 150. – (Тр. ТКАЭЭ; Вып. 1).
- Добжанский В.Н.** Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1990. – 162 с.
- Древние культуры** Бертековской долины. Горный Алтай, плоскогорье Укок. – Новосибирск: Наука, 1994. – 223 с.
- Заднепровский Ю.А.** Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода II в. до н.э. – V в. н.э. // Страны и народы Востока. – М.: Наука, 1971. – Вып. 10. – С. 27 – 36.
- Кирпичников А.Н.** Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX – XIII вв. // САИ. – 1975. – Вып. Е1-36. – 112 с.
- Коновалов А.В.** Погребально-поминальная обрядность казахов Южного Алтая // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. – Новосибирск: Новосибир. пед. ин-т, 1983. – С. 112 – 122.
- Кубарев В.Д., Маточкин Е.П.** Петроглифы Алтая. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1992. – 123 с.
- Кызласов И.Л.** О происхождении стремя // СА. – 1973. – № 3. – С. 24 – 36.
- Кызласов Л.Р.** Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 207 с.
- Кызласов Л.Р.** Резная костяная рукоятка плетки из могилы Ак-Кюна (Алтай) // КСИИМК. – 1951. – Вып. 36. – С. 50 – 55.
- Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова Л.С.** Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество. – Новосибирск: Наука, 1989. – 243 с.
- Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С.** Раскопки могильника у поселка Акташ в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: Алт. ун-т, 1985. – С. 147 – 172.
- Могильников В.А.** Сибирские и среднеазиатские кочевнические древности XI – XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 190 – 207. – (Археология СССР).
- Могильников В.А.** Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX – XI веках. – М.: Наука, 2002. – 362 с.
- Молодин В.И.** Надмогильные сооружения пазырыкской культуры (к реконструкции этапов погребальной обрядности) // Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск: Ом. ун-т, 1992. – С. 103 – 106.

- Молодин В.И.** Итоги археологических исследований на плоскогорье Укок // Изучение древних культур и цивилизаций. – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1994. – С. 69 – 73.
- Молодин В.И.** Древние тюрки // The Altai Culture. Алтай мунменджон: [Каталог выставки в Республике Корея]. – Сеул: Центр. музей Республики Кореи, 1995. – С. 126 – 141 (на кор. яз.).
- Молодин В.И.** Некоторые итоги археологических исследований на юге Горного Алтая // РА. – 1997. – № 1. – С. 37 – 49.
- Молодин В.И., Черемисин Д.В.** Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. – Новосибирск: Наука, 1999. – 160 с.
- Мыльников В.П., Тэцу Масумото.** Погребение алтаец-теленгита на Средней Катунь // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Алт. ун-т, 1994. – С. 93 – 97.
- Неверов С.В.** Костяные пряжки сrostкинской культуры (VIII – X вв. н.э.) // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: Алт. ун-т, 1985. – С. 192 – 206.
- Неверов С.В.** Проблемы классификации стремян // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 91 – 93.
- Нестеров С.П.** Стремена Южной Сибири // Методические проблемы археологии Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 173 – 183.
- Нестеров С.П.** Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 142 с.
- Овчинникова Б.Б.** Захоронения в подбоях средневековой Тувы // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск: Ом. ун-т, 1979. – С. 71 – 72.
- Овчинникова Б.Б.** Тюркские древности Саяно-Алтая в VI – X веках. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 221 с.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 412 с. – (МИА; Вып. 18).
- Плетнева С.А.** На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – М.: Наука, 1989.
- Пелих Г.И.** Происхождение селькупов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. – 424 с.
- Полосьмак Н.В.** “Стережущие золото грифы” (Акалахинские курганы). – Новосибирск: Наука, 1994. – 124 с.
- Полосьмак Н.В.** Всадники Укока. – Новосибирск: Информационно-пресс, 2001. – 336 с.
- Полосьмак Н.В., Молодин В.И.** Могильники пазырыкской культуры на плоскогорье Укок // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 66 – 87.
- Распопова В.И.** Металлические изделия раннесредневекового Согда. – Л.: Наука, 1980. – 139 с.
- Савинов Д.Г.** Расселение кимаков в IX – X вв. по данным археологических источников // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1976. – С. 94 – 104.
- Савинов Д.Г.** Из истории убранства верхового коня в Южной Сибири (II тысячелетие н.э.) // СЭ. – 1977. – № 1. – С. 31 – 48.
- Савинов Д.Г.** Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 102 – 122.
- Савинов Д.Г.** Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 175 с.
- Савинов Д.Г.** Древнетюркское время // Древние культуры Бертегской долины. – Новосибирск: Наука, 1994а. – С. 146 – 152.
- Савинов Д.Г.** Могильник Бертег-34 // Древние культуры Бертегской долины. – Новосибирск: Наука, 1994б. – С. 104 – 123.
- Савинов Д.Г.** Иртыш – река кимаков // Природа и цивилизация. Реки и культуры. – СПб.: Европейский дом, 1997. – С. 134 – 139.
- Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д.** Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. – Л.: Наука, 1988. – С. 83 – 103.
- Семенов А.И.** Византийские монеты из погребений хазарского времени на Дону // Проблемы археологии. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – Вып. 2. – С. 180 – 183.
- Суворова Г.И., Ткачев А.А.** Кимакские погребения могильника Ахмирово I // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово: Б.и., 1995. – С. 253 – 266.
- Ткачев А.А., Ткачева Н.А.** Этническая и культурная характеристика новых средневековых памятников верхнего Прииртышья // Сибирские татары: Материалы I Сиб. симп. “Культурное наследие народов Западной Сибири”. – Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1998. – С. 61 – 64.
- Трифонов Ю.И.** Памятники средневековых кочевников // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата: Наука, 1987. – С. 115 – 246.
- Федоров-Давыдов Г.А.** Погребения хазарского времени из урочища “Кривая лука” в Нижнем Поволжье // Проблемы археологии степей Евразии. – Кемерово: Кемеров. ун-т, 1984. – С. 80 – 94.
- Феномен алтайских мумий.** – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 319 с.
- Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д.** Керамика Орду-Балыка // Археология Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 85 – 94.
- Чиндина Л.А.** Могильник Релка на Средней Оби. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977.
- Шуклина Ю.К.** Волосы и прически в традиционном представлении тюркоязычных народов Южной Сибири // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. – Омск: Изд-во Ом. пед. ун-та, 2002. – С. 558 – 560.

Материал поступил в редколлегию 4.03.03 г.